

Из истории науки

У истоков лингвистической экспертизы текста

Леонид Петрович Крысин, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва),
leonid-krysin@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170009965-0

АННОТАЦИЯ: Воспоминания посвящены первой «лингвистической экспертизе», в выполнении которой автор участвовал в 1962 году. Термин этот тогда еще не употреблялся, но суть работы сводилась именно к тому, что сейчас называется этим словосочетанием. В Институт русского языка АН СССР поступил запрос от КГБ о проведении лингвистического исследования рукописных мемуаров генерала А. А. Брусилова, предположительно записанных под диктовку его женой — Н. В. Желиховской. Эти материалы были обнаружены в Праге, после освобождения ее советскими войсками. Необходимо было сравнить язык и стиль найденной рукописи с опубликованными в 1946 году воспоминаниями генерала. Дело в том, что найденная рукопись содержала критику советской власти. Необходимо было установить, принадлежат ли эти высказывания самому генералу или добавлены его женой (или кем-то еще). Для этого требовалось также изучить дневники самой Н. В. Желиховской. Работа оказалась достаточно трудоемкой и заняла около месяца. Удалось выяснить, что стиль рукописи сильно отличается от опубликованных воспоминаний. Не было там характерных для автора слов, речевых оборотов и особенностей словоупотребления. В конце 1962 года в журнале «Огонек» было опубликовано интервью с С. И. Ожеговым, в котором он рассказывал о роли института в реабилитации генерала А. А. Брусилова.

для цитирования: Крысин Л. П. У истоков лингвистической экспертизы текста // Русская речь. 2020. № 3. С. 114–119. DOI: 10.31857/S013161170009965-0.

From the History of the Science

At the Origins of the Linguistic Expertise of the Text

Leonid P. Krysin, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow), leonid-krysin@mail.ru

ABSTRACT: The recollections are devoted to the first ‘linguistic expertise’, in which the author took part in 1962. This term was not used at that time, but the procedure resembled modern linguistic expertise. The Institute of Russian Language, which was a part of the Academy of Sciences of the Soviet Union received a request from KGB to study the handwritten memoirs of General A. A. Brusilov, which were allegedly dictated by him and handwritten by his wife N. V. Zhelikhovskaya. These materials were found in Prague after the city was liberated by the USSR armed forces. It was necessary to compare the language and style of the manuscript with the recollections of General Brusilov published in 1946. The thing was, that the manuscript criticized Soviet Government. It was essential to find out whether these citations belonged to General Brusilov or they were added by his wife or some other person. The task required studying the diaries of Zhelikhovskaya as well. It was a challenging and laborious task, which took about a month. The scientists managed to conclude that the style of the manuscript differed significantly from the style of the published recollections. The manuscript did not contain specific words and phrases characteristic to the author.

At the end of that 1962 year the ‘Ogoniok’ magazine published an interview with the linguist S. I. Ozhegov, who told about the part which the Institute played in the rehabilitation of A. A. Brusilov.

FOR CITATION: Krysin L. P. At the Origins of the Linguistic Expertise of the Text. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2020. No. 3. Pp. 114–119. DOI: 10.31857/S013161170009965-0.

*Посвящается А. Н. Баранову — автору замечательной книги
«Лингвистическая экспертиза текста» (М., 2007)*

В конце июля 1962 года меня и еще одного сотрудника сектора культуры речи Института русского языка АН СССР вызвал к себе Сергей Иванович Ожегов, который в то время был заместителем директора этого института (а директором был академик В. В. Виноградов).

Сергей Иванович сказал, что к нему приходил представитель КГБ с просьбой провести лингвистическое исследование текстов (термина «лингвистическая экспертиза» в то время еще не было, но фактически, как будет ясно из дальнейшего, речь шла именно об экспертизе), автором которых предположительно является генерал А. А. Брусилов. Проведение этого исследования Ожегов поручил нам.

Нам была назначена встреча с полковником КГБ Василием Ивановичем Севериным. Встреча состоялась в приемной КГБ СССР на Кузнецком Мосту. В. И. Северин, небольшого роста невзрачный человек, которому на вид было около шестидесяти, в форме с синими кагэбэшными погонами, сообщил нам следующее.

После Великой Отечественной войны в архивах освобожденной нашими войсками Праги был найден архив знаменитого генерала А. А. Брусилова, а в этом архиве — рукопись его воспоминаний.

Почерковедческая экспертиза установила, что текст написан не рукой генерала, а рукой его жены — Желиховской, которой он надиктовывал свои воспоминания. Я не запомнил ни имени-отчества ее, ни даже инициалов, но сейчас из Интернета узнал, что звали ее Надежда Владимировна, что она была дочерью известной детской писательницы В. П. Желиховской, что в 1910 году вышла замуж за А. А. Брусилова, а в 1930-м эмигрировала в Чехословакию, увезя с собой вторую часть воспоминаний мужа. Запись этих воспоминаний, которые составили вторую часть мемуаров генерала, происходила, скорее всего, в первой половине 20-х годов, когда старик Брусилов, хотя и числившийся — как свидетельствуют энциклопедии — инспектором кавалерии, почти совсем ослеп (он умер в 1926 году в возрасте 72 лет).

Наша задача состояла в следующем: сравнить текст новонайденной рукописи с текстом уже опубликованного первого тома воспоминаний Брусилова (А. А. Брусилов. Мои воспоминания. М., 1946) и попытаться найти общие либо различающиеся, но при этом характерные для манеры

письма именно Брусилова элементы языка того и другого текста (для краткости дальше буду называть неопубликованную часть генеральских воспоминаний, в отличие от опубликованного тома, просто Рукопись). Третьим объектом исследования были воспоминания Н. В. Желиховской, тоже рукописные и тоже найденные в пражском архиве. Предполагалось, что жена генерала, хотя и писала под его диктовку, могла вносить отсебятину как в содержание, так и в форму того, что она записывала. Тем самым не исключалось, что в языке и в манере письма Рукописи воспоминаний Брусилова, надиктованных им жене, с одной стороны, — и в рукописи ее собственных воспоминаний, с другой стороны, может быть обнаружено нечто сходное.

Со 2 августа мы приступили к работе. Поскольку она была секретной, о чем нас сразу же предупредил В. И. Северин, — он отвез нас в район Савеловского вокзала, где на подъездных путях, в каком-то административном железнодорожном здании была явочная квартира КГБ. Современному читателю может быть непонятно, что же секретного было в этой работе? О причине секретности в этом деле скажу немного дальше.

Северин отпер обитую кожей дверь, предварительно сняв с нее какую-то нащепку. Потом оказалось, что это была пломба, и после каждого рабочего дня, покидая это помещение, мы должны были не только запирать дверь на английский замок, но и опломбировывать ее.

Этой квартирой пользовались и другие, кроме Северина, сотрудники КГБ.

Помню такой эпизод. Вместе с Севериным мы в очередной раз приехали на явочную квартиру. В этот момент из ее дверей выходил какой-то человек, с которым Северин поздоровался как с давно знакомым. Здороваясь, тот спросил у Северина, кивком головы указывая на нас:

— Это наши люди?

Северин, *отрицательно* покачав головой, ответил:

— Наши.

В одной из комнат этой трехкомнатной квартиры стоял большой письменный стол и стол поменьше, тоже письменный. На большом лежали две толстые папки (это и была Рукопись воспоминаний Брусилова), небольшая книга в сером переплете — «Мои воспоминания» Брусилова, изданные в 1946 году, и еще одна папка — с рукописными воспоминаниями Н. В. Желиховской.

Теперь надо объяснить, почему поручение исследовать тексты воспоминаний знаменитого генерала исходило от Комитета госбезопасности и было секретным.

Дело в том, что в найденной в Праге Рукописи воспоминаний наряду с рассказами о военных операциях русской армии во время Первой мировой

войны наши органы обнаружили высказывания и соображения, которые были квалифицированы ими как антисоветские. Но вопрос: кому они принадлежат — генералу или его жене? Хоть почерк в Рукописи — Желиховской, диктовал-то текст Брусилов. Если окажется, что Желиховская педантично записывала все, что говорил генерал, ничего не прибавляя и не убавляя, то эти высказывания и соображения должны быть признаны принадлежащими генералу; но не исключено, что надиктовываемый текст она редактировала, внося что-то свое. Если антисоветчина — брусиловская, то имя генерала и все, что с ним связано, подлежит переоценке с партийных позиций и уж во всяком случае — запрету. Надо сказать, правда, что фактически этот запрет был уже осуществлен: сразу после того, как «пражскую» Рукопись нашли и «компетентные органы» ознакомились с ее содержанием, имя Брусилова перестало упоминаться печатно, а изданные «Мои воспоминания» были отправлены в спецхран библиотек.

Судя по тому, что и как говорил нам Северин, власти не склонны были только на основании найденной Рукописи клеймить позором славного генерала. Поэтому если наш анализ текста Рукописи, говорил Северин, покажет, что язык ее отличается от языка опубликованной книги, и тем самым авторство Рукописи можно хотя бы поставить под сомнение, то этого будет вполне достаточно. Определить же, кто именно автор Рукописи — Желиховская или кто-то другой, — не входило в нашу задачу. И хорошо, что не входило: в лингвистике не то что середины XX века, но и в современной не было и нет надежных средств и методов определения авторства текстов (хотя существует целое направление экспертной лингвистической деятельности — так называемая автороведческая экспертиза).

В явочной квартире был телефон, но Северин предупредил нас, что никому звонить отсюда не надо. Не можем мы и покидать помещение в течение всего рабочего дня, а в конце его должны, оставив все документы и наши собственные записи на столах, запереть и опечатать квартиру (не помню, доверялось ли нам иметь ключ при себе до следующего утра или же его надо было кому-то сдавать; скорее всего, второе).

Стояла жара. В квартире было хотя и просторно, но, как и на улице, жарко: ни о каких кондиционерах, даже в помещениях явочных кагэбэшных квартир, в те времена еще не было речи. Мы разделись до трусов и углубились в чтение текста Рукописи. И на первых же ее страницах убедились в обоснованности обвинений ее автора в антисоветских настроениях: Рукопись пестрела разного рода упреками советским властям по поводу послереволюционного «порядка» в России. Незаконные аресты, массовые расстрелы, разруха, нехватка самого необходимого — все это

вызывало живую реакцию автора Рукописи и комментировалось достаточно резко и язвительно.

Не буду сейчас описывать технику нашей аналитической работы: многое забылось, а копию нашего заключения нам, конечно, оставить не разрешили. Упомяну только, что мы пытались найти такие элементы языка Рукописи, которые перекликались бы с тем, что было характерно для текста опубликованных воспоминаний генерала. В изданной книге этого было немало: индивидуальное словоупотребление, любимые фразеологизмы, редкие или необычные синтаксические конструкции. Например, в «Моих воспоминаниях» часто встречается конструкция с устаревшим даже для начала XX века союзом *дабы*; в Рукописи таких конструкций, построенных с помощью этого союза, мы не обнаружили (как и многого другого, что было характерно для «Моих воспоминаний»). Ни по общему тону, ни по выбору лексики и фразеологии, ни — в особенности — по синтаксису Рукопись не напоминала изданную книгу. С другой стороны, обнаружилось кое-что общее с языком и стилем воспоминаний Желиховской. Но все же достаточных оснований для признания автором Рукописи именно ее у нас не было.

Поскольку объем работы оказался довольно большим: в двух папках Рукописи набиралось около тысячи страниц да плюс чтение и анализ воспоминаний Желиховской, — наши ежедневные сидения в явочной квартире КГБ затянулись почти на месяц. В результате мы составили заключение, в котором утверждалось: найденная в Праге рукопись воспоминаний не может быть квалифицирована как принадлежащая А. А. Брусилову, так как в ее тексте не найдено языковых и стилистических особенностей, характерных для текста изданных «Моих воспоминаний» генерала.

Этот вывод, по-видимому, вполне удовлетворил наших работодателей: отдав текст заключения Северину, который наши выводы одобрил, мы расстались с полковником, и он навсегда исчез из нашей (во всяком случае — из моей) жизни.

Спустя некоторое время в журнале «Огонек» (кажется, в одном из октябрьских номеров за 1962 год) можно было прочитать интервью с Сергеем Ивановичем Ожеговым по поводу участия ученых Института русского языка АН СССР в «реабилитации» генерала А. А. Брусилова.

Наши фамилии в этом интервью не упоминались.